

18+

АНАСТАСИЯ ПОПОВА

МЕЧТУН

СБОРНИК КОРОТКИХ
РАССКАЗОВ

Анастасия Попова
Мечтун. Сборник
коротких рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54881358

ISBN 9785449877901

Аннотация

Этот сборник о любящих супербабушках, сверхсолдатах с обморожением и строителях, летающих на кирпичах. В этой книге вы прочтёте, как «чистильщики нового поколения» борются с опасными Нейросетями и как судьбу ребёнка может изменить один клик в браузере. Этот сборник о мечтателях и чудесах, которые может творить даже самый обычный человек.

Содержание

Озеро, примёрзшее к ступням	5
Его секрет	13
Мечтатель с кирпичом	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Мечтун

Сборник коротких рассказов

Анастасия Попова

*Все мы жили рядом с ней и не поняли,
что есть она тот самый праведник,
без которого, по пословице, не стоит село.
Ни город. Ни вся земля наша.
А. И. Солженицын, Матрёнин двор*

© Анастасия Попова, 2020

ISBN 978-5-4498-7790-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Озеро, примёрзшее к ступням

Армейские сапоги примерзали к ногам молодого постового солдата от пятидесятиградусного холода. Закутанный в несколько одежек паренёк напоминал пушистого барана, на котором копился уже не первый сантиметр снега. Он зачарованно смотрел на блестящее огромное зеркало, уходящее в горизонт. Из-за деревьев эта, как казалось ему, бездонная чаша воды с лунным диском напоминала о тёплом чёрном море в разгар купального сезона. Как ему могли вспоминаться курорты, когда он служил в Сибири в разгар зимы, остаётся загадкой. Впрочем, дальнейшие события, происходящие с ним, вполне могут сойти за сказочный отпуск в сердце Земли – на Байкале.

Звуки металла, вытаскиваемого из бумажных пакетов. Треск бинтов, кашель, стоны, смех, иногда шелест тасования карт и противное причмокивание ефрейтора Гузнова перед курением махорки.

– У-уф... – тело солдата лежало на белой кушетке в госпитале секретной части. Синие губы призывника дрожали, он тёр руками свои плечи, хотя это не грело его ледяные конечности. Солдата уже напоили горячим супом, положили рядом с печкой и пытались отогреть, но обессиленный оставался холодным.

– Беда с вашими ногами, товарищ Суворов, – халат, внут-

при которого был человек, похлопал по зелёной рубашке солдата, – я б даже сказал: «Беდიща»! Резать надо...

– Как это? Резать?! – камуфляжный костюм дёрнулся и сел на кушетку, – Не надо резать! Сами себя пилите, а ноги мои не дам! – но вернувшись к обморожению, костюм снова сковался в лёд и упал лежать.

– Как это не дадите? У вас ж гангрена! – с постоянным «гэ-канием» возмущались усы человека в халате, – Мы вам только до щиколотки!

– Хоть убейте, не дам! – продолжил дрожать солдат.

– Да вы сами умрёте... – плюнул халат и понёс человека внутри себя к другой кушетке.

Солдат-баран, солдат-Суворов, призывник. Он был славным малым. Был Суворов, были ноги загорелые и атлетические, а теперь чёрные и страшно на них смотреть. Отморозил их на посту. Точней на двух постах, две смены. Никто вставать не хотел в пятьдесят градусов мороза, а Суворов встал. Суровый Суворов ещё у товарища пост принял за пачку папирос. Точнее, это для товарища он за папиросы встал втихую, а ведь Суворов за Байкал встал. Любил солдат смотреть на озеро, но ни разу к нему не подошёл. Только так, за деревья поглядывает, видит ночью, что блестит, а днём, что сияет. А выйти за пределы части, значит, Родину предать, точнее, быть расстрелянным или что-то похуже, а уж, что смерти хуже – это подумать нужно.

Глядел он только на своё озеро, на свой океан. Смотрел

долго и пристально, как бы враг из Байкала не выпрыгнул. Да вот и насмотрелся так, что ноги отморозил до второй, али третьей степени – это уж только врачам известно. Боль он почувствовал где-то уже на первой, но терпел, до того было ему хорошо любоваться! Как-то в этот раз ему особенно понравилось озеро, аж так, что он бы и женился на нём, будь оно девушкой. Ну и, как водится, с девушками, любовался он им, ахал, охал, вдохал и сдыхнул, верней, издыхнул. Упал как сосулька и не движется. Так в госпиталь и попал. Сидит сейчас, чуть не плачет, бедняжка.

– Вщ-щ, – свист для Суворова, – Илья! Курить будешь? – противное почмокивание для всего госпиталя.

– Никак нет, товарищ Гузнов, – кто-то в комнате прыснул в руку, – не больно хочется дни последние с привкусом твоего табака доживать. То ли дело дедовский турецкий! – мечтательно нюхнул нос, и все носы в госпитале тоже стали нюхать воображаемый турецкий табак.

– Дедовский ему подавай! Привередничает ещё... – обиженно чмокнул Гузнов, – а ты наконец помирать собрался?

– Не слышал что ли, глухопердя? «Гангрена» у меня, – произнёс солдат с «гэ-канием» белого халата.

– Тю-ю! Да это ж не смертельно вовсе! – ехидно чмокнул рот, затянул горький дым и выпустил через нос едкую тучку, – Вот у моей тётки, живёт тут в Иркутске, тоже эта «гие-на» была. Она к озеру пошла, села на камешек, ноги в воду опустила и давай ими мотать туда-сюда! Так мотала она силь-

но, что всю грязь геенную с ног вытряхнула в воду. И живёт уже пятый десяток, и ноги у неё с тех пор белые-белые!

– Врёшь, собака! – крикнул кто-то особо любопытный с большими ушами.

– Не вру я! – а губы скривились в улыбку, да не в добрую, а во вредную, – попробуй, Илья. Авось пройдёт! – а голова скосилась, глаза сузились, ноздри с дымом расширились.

– Сказочник ты, конечно, товарищ Гузнов, – махнул сурово рукой Суворов и прикрыл глаза. Полежал чуток, помолчал, а потом открыл рот, – А вот если и пойти к озеру, то как? Солдата здорового не отпустят, не то что больного, да ещё неходячего.

– А ты костыли возьми, – показал палец в угол, – проскачи на них к забору, а там ямку вырой и проползи. А дальше склон крутой, ты прижми коленки к лицу и покатись вниз. Так и докатишься до воды! – едко чмокнули губы и занялись табаком. Пришёл врач, и рот ефрейтора с тех пор открывался только затем, чтобы проглотить пилюли и почмокать.

– Смешной ты, товарищ Гузнов, – пробурчал Суворов и крепко уснул посреди дня, ведь перед тем отстоял два поста, отморозил ноги и ещё надышался чужим плохим табаком.

Проснулся солдат только глухой ночью. «А почему бы не попробовать? Всё равно помирать, а мне только год ещё побыть тут и всё! Зря я два года служил, что ли? А коли помру в дороге, или расстреляют – всё равно лучше гангрены

этой треклятой, тьфу!» – подумал Суворов, упал с кушетки и пополз на руках до угла. Взял костыли, смог как-то на них встать и, имея опыт хождения на них, пошёл вон из госпиталя в том, в чём в нём валялся (рубашке, да штанах парусинных).

Отслужив два года, наш солдат знал темные, не патрулируемые улочки в части, а потому ему удалось добраться до забора незамеченным. Может кто-то и караулил дорожки, по которым ковылял Суворов, но по какой-то счастливой случайности дозорный либо уснул, либо отошёл куда-то. Так и добрался тихонечко солдатик до забора и начал копать руками под проволокой снег и замёрзшую землю. Копал он где-то минут десять или полчаса, постанывал бедный от боли, но кусал губы свои, потому как стонать можно только в госпитале, а на улице – служи (так и дослужился до обморожения)!

И вот докопал он, нырнул под забор и выбрался в вольную Сибирь со своей закрытой части. Вспомнил он совет вредного Гузнова: делать нечего, катиться надо.

Взял костыли, прижал ноги к лицу, а костылями и руками закрылся спереди и покатился по склону. Одно дерево мимо, другое, чуть на кустарник не попал, но мимо прокатился, камни все мимо него растелились, а деревья рядом выстроились. Животные смотрят на катящийся шар, пасти открывают, удивляются. А Суворов катится, иногда мычит, но не орёт, пусть и бьётся больно о землю сибирскую. Но вот

склон кончился. Суворов-шар остановился.

Лежит комочком на камнях у берега и всё ещё побаивается, что в дерево врежется. Лежит-лежит, и вдруг ветер на него дунул сильный, холодно стало ему смертельно, ноги завыли, руки задрожали, спина выгнулась! Закричал Суворов громко, да таким словцом крепким, что аж морозу жарко стало!

Поругался ещё солдат немного, плюнул и поковылял к воде. А вода-то льдом скованна, зима на дворе! Снова хотел заругаться Суворов, как вдруг ему кто-то чётко «тсыкнул».

– Тихо, молодчик, рыбу всю распугаешь! – шепнул старик и продолжил спокойно рыбачить в лунке.

– Ух, извините, пожалуйста, не хотел, честное слово, – румянец выступил на синем лице солдата, но лёд вновь сковал всё тело Суворова и заставил застонать, – Ау-ф!! Пустите меня в лунку ноги окунуть, помру, если не окуну, помру!! – и понёсся парень к старику на костылях.

– Дак окунай, милок, ежели надобность такая... – рыбак вытащил удочку из воды и отошёл от проруби.

– Не помру, батя! Если окуну, не помру! – закричал Суворов так, что эхо добралось до его секретной части. Аж до госпиталя добрался крик, аж до кровати Гузнова и до его ушей. И неспящим ртом пробурчал ефрейтор: «Вот дурак, поверил...», чмокнул и продолжил спать. А солдат разбежался на костылях, оттолкнулся и полетел ногами прямо в воду.

Летит он надо льдом, молится, крестится и в воду «бульк»

с головой, ногами зашевелил, замотал в воде, так, что всю рыбу распугал! Всплыл в лунке, сплюнул, улыбнулся красными щеками и снова окунулся с головой. И пуще прежнего давай ногами бить в воде, прямо выпорхнул из воды как рыба, вдохнул морозного воздуха и в третий раз окунулся, да поглубже. Опустился он почти до самого дна Байкала. Не знает, сколько он уже камнем вниз плывёт, глаза раскрыть страшно, но интересно. Вдруг коснулось его ног нечто, а потом как схватило за пятки и давай толкать его вверх, толкает и щекочет за ноги, чуть не засмеялся Суворов, но его суровый нрав не дал щекотке воздух испустить! Открыл глаза наконец солдатик, смотрит вниз, а там... Девушка! Русалка подумал, а вот нет, не рыбий хвост, а как тюлений! Вгляделся, прищурился, глаза протёр и видит – нерпы вокруг, а девушка его толкает! Да такая красивая! Тут он воздух-то и выпустил!

С того дня морозы спали.

Шёл уже третий день, как куда-то пропал Илья Суворов. Первые два дня его искали, а потом бросили. Солдаты, что лежали вместе с ним в госпитале, сказали, что, скорее всего, он пошёл на озеро по совету Гузнова. Сам ефрейтор молчал и только курил. Рыбак нашёл себе новую лунку и больше не рыбачил на том берегу. А сам Байкал тихо шептал ветром странную мелодию свиста.

На четвёртую ночь в мокрой одежде на секретную часть пытался пролезть неизвестный молодой человек. Оказалось,

что он поднялся по склону, пролез под забором и захотел прокрасться в госпиталь, но в этот раз патрульный не спал и забил тревогу.

На сирену сбежались почти все, кроме ефрейтора.

Молодого человека осмотрел врач и поставил диагноз «обморожение первой степени». Когда парня принесли в госпиталь, его положили на место Ильи Суворова и стали обогревать. Неизвестный улыбался и иногда трогал свои белые ноги, щекотал их и смеялся. Доктора смогли согреть его, и когда опасность была позади, ещё не опознанный «лазутчик» тихо сказал ефрейтору:

«Товарищ Гузнов, спасибо за сказку».

На что сам ефрейтор, по-доброму улыбаясь, чмокнул: «Во дурак отмороженный!»

Его секрет

Шаги. Топот «стекает» по лестнице с крыши до подвала вместе с людьми. Звук, будто холодный тяжёлый воздух, стремится вниз. Чтобы его услышать, нужно либо опуститься самому, либо заставить шум подняться.

Он видит звук, его гладкие линии и волны, похожие на струи воды. Он купается в них, подобно дельфину, прыгает из одного потока звуков в другой. Он создаёт эти звуки, выплёскивая их из своего дыхания в голове, чтобы не задохнуться от мелодий жизни.

Многие считают его сумасшедшим, но он не виноват, что стремится к божественной игре, прислушиваясь к звукам старческого кашля, хлопанья дверей, галдежа в толпе. Он просто видит эти волны и может даже прикоснуться к ним – они ведь похожи на воду.

Сегодня ему повезло остаться одному на пару часов. Знакомые приглашали его пойти на природу и отдохнуть на свежем воздухе, кто-то предложил остаться в репетиционной и продолжить заниматься. Он, как всегда, ушёл молча, не ответив. Топот человеческого потока привёл его в библиотеку. Звуки смеха приглушали урчания в животах, кашель и чихание заболевших были громче шелеста страниц.

Сам он – бесшумная тень, плавающая в чужих голосах. Но эта тень становится громче, когда берёт инструмент

в свои бесформенные чёрные руки. Инструмент для него не важен – будь то скрипка, фортепиано, виолончель, флейта... Он не виртуоз и не гений. Преподаватели оценивают его на средние баллы, знакомые музыканты считают его посредственностью, родители больше обеспокоены основным образованием, а музыку считают лишь временным увлечением. Все думают о нём по-разному и не всегда хорошо. Они говорят ему это в лицо, шепчутся между собой, думают и иногда шевелят губами, оскорбляя его скромную персону. Все говорят о нём, а он – нет. Он слушает.

Слушая, он играет музыку в своей голове. Музыка злых голосов, осуждающих его, мелодию бурления крови в человеческих жилах, шелест ресниц в момент моргания. Его слух нечеловечески чуток, но он также слышит простую музыку из колонок автомобилей и из мониторов во время концерта. Он слушает и прокручивает ноты в голове, образуя симфонию внутренних размышлений. Иногда он может повторить придуманные в голове мелодии, играя на инструменте, но как эскиз выглядит лучше в голове, так и музыка оказывает большую силу, звуча лишь в воображении. Стоит нам открыть рот и извлечь даже ноту – мелодия выливается из нас, подобно ручью, и смешивается с общей рекой – гармонией.

Он не выпускает из себя нот не потому, что ему жалко своих звуков – своего богатства. Нет... Просто заговорив, он утратит возможность слушать. Слушать музыку жизни. Играть в своей голове. Он потеряет свой единственный билет

на концерт звуков мира и его больше не пустят ни играть, ни быть зрителем. Он не боится, а просто не хочет, чтобы это выступление кончалось. Влюблённые тоже желают, чтобы свидание длилось как можно дольше. А он влюблён в звуки. Эту любовь сложно понять, к тому же он сам не понимает своей влюблённости – его не интересует, почему он предпочитает слушать, а не говорить. Ему всё равно на то, что скажут остальные – пусть только говорят.

Пусть мелодия льётся из чужих уст, пока он молчит. Пусть звуки вливаются в общую реку. Пусть он слушает и плавает на этих гармоничных волнах. И пусть никто никогда не узнает его главный секрет: он – не немой, он – музыкант.

Мечтатель с кирпичом

*Нет повести печальнее на свете,
чем повесть о «кирпичной» планете.*

Максим клал ряд кирпичей, бережно размазывал по ним раствор и с нежностью начинал выкладывать новый ряд красненьких кирпичиков. Максим фантазировал, как через час он уложит четвёртый этаж, как рабочий день закончится, он пойдёт домой и будет делать себе бутерброд: на куске хлеба он станет размазывать масло, сверху положит кусок сыра, потом намажет кетчуп, после уложит красный от красителей кусок колбасы, а завершит эту композицию прекрасная кода хлеба. Можно сказать, что Максим всегда был музыкантом в своём деле, будто играя Токкату и Фугу Баха, он выстраивал новые стены, но никогда ещё ему не удавалось добраться до самой крыши: его всегда прерывали на финальных аккордах черепицей, хотя он всегда говорил, что нужно делать крыши из кирпича! Но никто не хотел его слушать, только вертели пальцем у виска и предупреждали других строителей: «Не болтайте с ним, у него что-то с головой не так!».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.